

Проблема перевода, пожалуй, одна из самых обсуждаемых в филологии. На протяжении многих веков продолжается спор о том, каким должен быть идеальный перевод; создаются переводческие теории и научные концепции с противоположными установками, имеющие убедительную аргументацию и талантливых приверженцев. Но, несмотря на это, вопрос о принципах перевода остаётся открытым.

Сравнительный анализ переводов «Энеиды»

Полина Семёнова,

ученица 11-го класса гимназии № 1514, г. Москва

Научный руководитель:

Алексей Игоревич Любжин,

кандидат филологических наук, научный сотрудник Научной библиотеки МГУ, преподаватель античной культуры в гимназии № 1514

Особенно это касается таких фундаментальных и системообразующих произведений, как «Энеида» Публия Вергилия Марона. Время, прошедшее с момента написания «Энеиды», вносило изменения как и в отношении к ней вообще, так и в попытки её перевода на другие языки. «Энеида» прошла долгий путь от классицистического перевода, близкого к пересказу, до перевода буквалистского, в своём стремлении к точности порой доходящего до абсурда.

Именно точности перевода посвящена моя работа. В ней сделана попытка проанализировать, как зависит точность перевода от переводческой школы или традиции на базе пяти переводов разных литературных эпох, что позволило проследить развитие понимания и представления о великом произведении Вергилия. Это переводы Дж. Драйдена и В.П. Петрова, представителей эпохи классицизма, В.А. Жуковского, самого крупного переводчика среди романтиков, занимающего при таком условном разделении промежуточное положение, А.А. Фета и В.Я. Брюсова, несомненных буквалистов. Выбор именно этих переводов неслучаен: в своей литературной эпохе каждый из них пользовался наибольшей популярностью и оказал большое влияние на последующие попытки перевода «Энеиды».

Оценить точность того или иного перевода не представляется возможным без собственного понимания текста оригинала. В связи с этим, первой задачей автора являлось создание подстрочного перевода выбранного для анализа фрагмента «Энеиды» (песнь II, строки 1–56). Следующим шагом в работе над темой стал непосредственно сравнительный анализ пяти переводов с оригиналом, а также классификация неточностей, допущенных переводчиками. Для иллюстрации подхода к оригинальному тексту переводчиков, приверженцев разных переводческих школ, был выбран анализ сохранения имён собственных в переводах.

Невозможно также обойти вниманием тот факт, что переводы выполнены разным стихотворным размером — александрийским стихом и гекзаметром. Так как текст «Энеиды» написан именно

150

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
РАБОТА ШКОЛЬНИКОВ / 1'2012

гекзаметром, то можно предположить, что более точными окажутся именно гекзаметрические переводы. В связи с этим была сформулирована следующая задача – проанализировать зависимость точности перевода от стихотворного размера путём сопоставления александрийского стиха и гекзаметра.

В процессе работы над темой возникла гипотеза о том, что язык, на который переводят оригинальный текст, также определённым образом влияет на полноту и точность перевода. Поэтому последней задачей работы стал анализ языка перевода на его точность, основанный исключительно на наблюдениях над исследуемыми переводами.

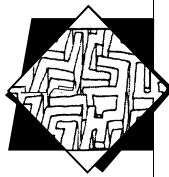
Перевод Джона Драйдена (1697)

Это самый ранний из всех рассматриваемых в работе переводов, выполненный александрийским стихом. Высказывание английского филолога и более позднего переводчика «Энеиды» Джона Конингтона хорошо показывает значение работы Драйдена в литературе и отношении читателей к ней: «Находясь примерно посередине в истории переводов произведений Вергилия, перевод Драйдена оставляет в тени не только предшествующие работы, но и все последующие»¹. При этом Драйден никогда не отрицал несовершенства своего перевода; он стремился сохранить красоту поэтики «Энеиды», даже жертвуя точностью, так как был убеждён, что его читатели не получают удовольствия от перевода точного, но непоэтичного². В своём труде, посвящённом переводу «Энеиды», «Dedication of the Aeneis», Драйден описывает метод «уравновешивающего» перевода, которому он следовал: «Путь, по которому я пошёл, не так ограничен, как дословный перевод, но и не так свободен, как пересказ; какими-то вещами я пренебрёг, какие-то добавил от себя». Добавления, на его взгляд, должны казаться естественными, как бы «вырастать» из оригинала. Кроме того, он пишет: «Я попытался заставить Вергилия говорить по-английски так, как говорил бы он сам, если бы родился в Англии в настоящее время». Здесь просматривается ещё одна цель Драйдена: «исправить» предполагаемые ошибки Вергилия в композиции и изложении, рассматривая их как вещи, которые поэт исправил бы сам, если бы прожил достаточно, чтобы закончить коррективку.

Судя по всему, примерно таким же принципам следовал и русский переводчик эпохи классицизма **В.П. Петров**, выполнивший перевод «Энеиды» александрийским стихом в 1786 году. Отношение к нему как к литератору и его переводу в обществе было о противоречивым. Екатерина II в своём сочинении «Антидот» писала следующее: «Особенно в последние годы, когда литерату-

¹ Цит. по: *Evelyn W. Adkins. The Mirror's Reflection: Virgil's Aeneid in English Translation. Macalester College, 2006. P. 35.*

² Здесь и далее: *Evelyn W. Adkins. Op. cit., P. 37–47.*

ра, искусства и науки особенно поощрялись, не проходит недели, чтобы из печати не вышло бы несколько книг, переводных или иных. Среди наших молодых авторов невозможно пройти молчанием имя В.П. Петрова, библиотекаря собственной библиотеки императрицы. Сила поэзии этого молодого автора уже приближается к силе Ломоносова, и у него более гармонии: стиль его прозы исполнен красноречия и приятности; не говоря о других его сочинениях, следует отметить его перевод в стихах «Энеиды», первая песнь которой вышла недавно; этот перевод его обессмертит»³. Со стороны же своих противников Петров подвергался не только жёсткой критике за излишне высокопарный стиль своих произведений, но и насмешкам. Тем не менее, можно представить себе успех петровского перевода, если Российская академия в своём отзыве на него «выражала желание, чтобы и «образец Virгилиев [Гомер] был подарен российским письменам сим выразительным прелателем»⁴. Что касается самого перевода, то не могло быть и речи о выборе другого стихотворного размера помимо александрийского стиха. Во французской классической литературе александрийский стих подразумевался для эпопеи, при этом она являлась неоспоримым образцом если не для всей европейской литературы, то для русской литературы XVIII века несомненно⁵. Таким образом размер выбирался по принципу функциональности.

Ситуация кардинально меняется в первой четверти XIX века. **В.А. Жуковский** совершил революцию в передаче «Энеиды» в России, переведя II книгу совершенным «героическим» гекзаметром⁶ (1822), что послужило прочной платформой для дальнейшего улучшения качества и точности перевода «Энеиды». При этом важно помнить, что решение Жуковского переводить «Энеиду» гекзаметром объясняется совершенно очевидным фактом — в это же время завершался процесс перевода «Илиады» **Н.И. Гнедичем**, действительно первым переводчиком, отстаившим «право» гекзаметра передавать античные тексты. Однако здесь нельзя не обойтись без упоминания **Я.А. Галинковского**, первого, кто ясно изложил для русского читателя новое восприятие Гомера, исключавшее применение александрийского стиха в такого рода произведениях. В 1813 году он публикует в «Чтениях» письмо, в котором напоминает читателям о гекзаметрах Тредьяковского и помещает свой гекзаметрический перевод I эклоги Вергилия⁷. Можно говорить о том, что труды Галинковского под-

³ Василий Петров // <http://vp-petrov.ouc.ru/>

⁴ *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2001. С. 51.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Здесь и далее: Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского: Сборник: в 2 т. Т. 1 / Сост. А.А. Гугнин. М.: Радуга, 1985. С. 557 (комментарий О.М. Савельевой).

⁷ *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2001, С. 141, 157.

готовили почву для окончательного утверждения гекзаметра как размера, применяющегося для перевода античных текстов.

Следующим этапом в судьбе «Энеиды» в России является перевод **А.А. Фета** (1888). Как сторонник буквалистской школы, Фет считал, что «перевод (если это перевод, а не подражание) должен быть максимально точным, должен стремиться донести до читателя не только сюжет и образы, но и точное количество строк подлинника, своеобразное строение фразы, сохранять по возможности игру слов и другие особенности оригинала»⁸. Такая «симпатия» к буквализму некоторым образом связана с отношением Фета к античности. Античный мир для него представлял нечто большее, чем просто объект изучения, это был объект жреческого служения, по отношению к которому он испытывал двойной долг: с одной стороны, сохранить святыню, не допуская искажений, и в то же время сделать вход в этот мир доступным непосвящённым. В стремлении максимально сохранить оригинал Фет порой пренебрегал гладкостью русского языка. В предисловии к «Энеиде» он пишет: «При переводе мы постоянно исполнены опасения, как бы внешнее совершенство русского стиха не отстало от его буквальности, хотя в решительную минуту выбора, не задумываясь, всегда готовы склонить весы на сторону последней»⁹.

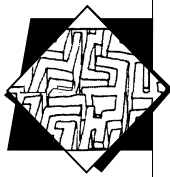
И ещё один рассматриваемый здесь перевод — буквалистский перевод **В.Я. Брюсова**, законченный в 1916 году. Судьба этого перевода или, скорее, его идеи крайне интересна. В нескольких редакциях своего труда Брюсов действительно проходит путь от вольного до буквалистского перевода: от «пересказа» до «стихотворного перевода», от него — к «художественному подстрочнику»¹⁰, притом, что другие его переводы вовсе не отличаются буквализмом в отрицательном смысле этого слова. В чём же причина этого внезапного перехода к буквализму? Если для раннего Брюсова на первом плане стояла общность явлений культуры во все века, то поздний Брюсов в «Энеиде» всеми силами пытается подчеркнуть чуждость античной культуры по отношению к современной культуре. Эта новая полоса в мировоззрении Брюсова появляется в годы первой русской революции, когда он почувствовал, что и он, и его современники стоят на границе двух культур: гибнущей и нарождающейся, которая при этом оставалась чужой. Таким образом, чрезмерный брюсовский буквализм — забота о том самом «эффекте отдалённости», в котором возникает потребность, когда рушится вера в единство всех культур.

⁸ Здесь и далее: *Успенская А.В.* Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб.: Б-ка Рос. Акад. наук, 2005. С.240.

⁹ Цит. по *Успенская А.В.* Указ. соч. С. 248.

¹⁰ Здесь и далее: *Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С. 29–62.

Сравнительный анализ переводов

Главный вопрос, который возникает при анализе неточностей, допущенных в переводах, состоит в следующем: возможно ли классифицировать и систематизировать неточности, вычлененные из таких разных текстов, как переводы александрийским стихом и переводы гекзаметрические? Ответ отрицательный. Дело в том, что Василий Петров и Джон Драйден, переводя «Энеиду», следуют некорректным с точки зрения современности принципам: они переносят её вместе со всеми явлениями культурной традиции античности в культуру классицизма, что приводит к серьёзным упущениям. Тем не менее, читатель не встретит в их переводах каких-либо сюжетных отклонений и даже серьёзных искажений смыслов: переводчики передают смыслы оригинала, но другими словами и приёмами. Таким образом, неточности Петрова и Драйдена было бы некорректно ставить в один ряд с неточностями, допущенными Жуковским или, тем более, Фетом и Брюсовым, которых у них почти нет.

Автор попытался отобрать самые нейтральные критерии (только для гекзаметрических переводов). Таких критериев набралось пять: добавление новой информации, авторской оценки (сюда же — усиление того или иного признака), искажение смысла оригинала, упрощение оригинала (сюда же — обобщение) и отсутствие в переводе той информации, которая есть в оригинале. Результат вполне ожидаем: наибольшее количество неточностей у Жуковского, у Фета и Брюсова почти равное число искажений. Это ещё раз подтверждает, что переводчики следуют разным принципам перевода: перевода «вольного» и перевода буквалистского.

Сохранение имён собственных

Выбранный фрагмент насыщен именами собственными и названиями национальностей, как и вся «Энеида» в целом. Так, на пятьдесят шесть строк текста насчитывается двадцать девять имён собственных и названий национальностей. Их сохранение, изменение или добавление могут послужить ярким доказательством принадлежности перевода к той или иной переводческой школе.

Ещё не приступая к подробному анализу этого аспекта, можно предположить, что количество точно переданных имён собственных в переводах Брюсова и Фета будет значительно превосходить то же самое количество у Драйдена и Петрова, как происходило со смысловыми неточностями.

Анализ проводился следующим образом: за изменение имени собственного принимались такие случаи, когда, например, «Pallada» в оригинале заменялась «Минервой» в переводе; за добавление — когда предложенный в переводе вариант отсутствует

в оригинале. Надо подчеркнуть, что в данном разделе важность представляют не смысловые неточности, а именно та степень следования оригиналу, которую автор перевода мог себе позволить (в том числе, и в рамках переводческой школы).

Предположения, сделанные в начале этого раздела, оправдались. Драйденом и Петровым было допущено наибольшее количество искажений, Жуковский здесь занимает промежуточное положение, Фет и Брюсов же досконально следовали оригиналу.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что перед переводчиками эпохи классицизма вовсе не стояла задача максимально передать все нюансы греческих имён, географических объектов и названий национальностей. Для них это скорее условность, тем более что в их распоряжении всегда находилось несколько равноценных вариантов (уже упомянутая пара «Pallada – Минерва», «Danai – греки» и т.п.).

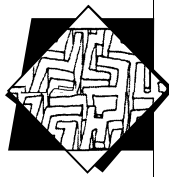
То же самое, но в меньшей степени, можно сказать и о переводе Жуковского, который сильно уступает в рассматриваемом аспекте переводам Фета и Брюсова, несмотря на то, что он также выполнен в гекзаметре, что должно увеличивать точность перевода. Этот пункт может служить ещё одним доказательством того, что Жуковский и Брюсов и Фет – приверженцы разных теорий перевода.

Особое положение занимает перевод В.Я. Брюсова. Переводчик не только оставил без изменений все имена собственные и названия национальностей, но и сделал попытку передать их оригинальное звучание (вплоть до сохранения ударения) без привычных русскому читателю фонетических адаптаций. Например: *Ulixes* – Уликс (ср.: Улисс у А.А. Фета); *instar montis equum divina Palladis arte* – Видом с гору, коня, искусством Паллады дивным (ср.: Словно бы гору, коня, с небесным искусством Паллады у А.А. Фета).

Александрийский стих и гекзаметр

Как уже было сказано, рассматриваемые переводы можно разбить на две группы: переводы Драйдена и Петрова, выполненные александрийским стихом, и переводы Жуковского, Фета и Брюсова, выполненные гекзаметром, размером оригинала.

Александрийский стих в английской поэзии (который читатель может наблюдать в переводе Джона Драйдена) отличается от александрийского стиха в поэзии русской. Для английской поэзии более характерен александрийский стих в виде пятистопного ямба с цезурой между шестым и седьмым слогом и мужскими рифмами, тогда как русский александрийский стих представляет собой «шестистопный ямба с обязательной цезурой после третьей стопы и с аналогичной французскому александрийскому стиху рифмовкой» – чередующимися женскими и мужскими рифмами.

Гекзаметр — наиболее распространённый размер античной поэзии; метрический стих из шести стоп дактиля; в каждой стопе кроме пятой (тем не менее, в редких случаях такое может встречаться) два кратких слога могут заменяться одним долгим, образуя спондей.

Преимущество переводов гекзаметров очевидно — они сохраняют размер оригинала, а значит, переводчик располагает возможностью сделать перевод дословно точным (т.е. «единицей» точности служит слово). В александрийском стихе такой единицей является рифмованная пара строк, что ведёт к серьёзным смысловым несоответствиям: в одном случае строки в количестве больше двух будут сокращаться до двух, что читатель и может наблюдать у Джона Драйдена, в другом, что встречается чаще, «одна строка будет передана двумя, с заполнением остающегося пустого места какой-либо более или менее подходящей и нейтральной словесной «ватой»». Это, несомненно, присутствует у Василия Петрова. В подтверждение этих слов следует привести результаты некоторых расчётов, выполненных следующим образом. Было вычислено среднее количество слогов в гекзаметре (?15), через отношение с которым количества слогов в английском александрийском стихе (10) и в русском (12) были получены коэффициенты, с помощью которых устанавливается «правильное» количество строк (пример для перевода Петрова: $15/12=x/56$ (56 — количество строк в выбранном фрагменте «Энеиды»)), отсюда $x=70$; пример для перевода Драйдена: $15/10=x/56$, отсюда $x=84$). Оказалось, что перевод Петрова, отражающий фрагмент из пятидесяти шести строк девяноста четырьмя, «должен был» отражать его семьюдесятью строками, в то время как перевод Драйдена, напротив, мог бы быть на десять строк больше (семьдесят четыре вместо возможных восьмидесяти четырёх). Но английский текст, как будет показано ниже, имеет тенденцию к сокращению вне зависимости от стихотворного размера, и поэтому сокращение смыслов не настолько значительно, как сокращение слогов. Сюда же стоит добавить, что полученный коэффициент для русского перевода можно считать условным, так как в русском языке нельзя установить такое же соответствие в связи с большим разнообразием длины слов. При этом сама возможность сделать эквиметрически очень близкий перевод говорит о том, что коэффициент «растяжения» можно условно принять за единицу, т.е. не учитывать.

Эти недостатки александрийского стиха — прямое следствие возмущающего фактора рифмы. Так, из девяноста четырёх рифмованных слов в переводе Петрова со смыслом оригинала соотносится лишь сорок одно, т.е. меньше половины. Рифма как бы «отвлекает» переводчика от оригинала, заставляя сосредоточивать на себе большую часть внимания: для рифмовки нужных слов привлекаются слова посторонние, которые слишком отдаляют перевод от оригинала.

Влияние языка перевода

Но, конечно, существуют и другие факторы, влияющие на точность перевода. Один из таких факторов — сам язык перевода. Прежде всего, это касается англоязычного перевода Джона Драйдена.

Английский язык, в отличие от русского, не является идеальным языком для перевода с латинского. Причина лежит на поверхности: латынь — синтетический язык (как и русский, благодаря чему русские переводы лучше передают и смысл, и «дух» оригинала), английский же — аналитический. Учитывая твёрдый порядок слов и преобладание односложных слов, легко убедиться, что английские переводы имеют тенденцию упрощать и сокращать оригиналы.

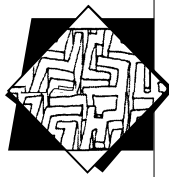
Так, взяв прозаический подстрочный перевод первых десяти строк второй песни «Энеиды», который выполнил американский переводчик Edward McCrorie, и подсчитав слоги в соответствующем фрагменте оригинала и слоги в данном переводе, можно увидеть следующее: в латинском тексте слогов на тридцать три больше, чем в его подстрочном переводе, что может составлять около десятка полноценных слов. Конечно, нельзя забывать о насыщенности смыслом английских слов, состоящих из одного слога, а также об обратном факте — о длине английских грамматических форм.

Заключение

В завершение работы сформулируем основные выводы, к которым пришёл автор.

- Смысловая точность перевода напрямую зависит от принципов перевода, которым следовал переводчик. Так, Дж. Драйден и В.П. Петров, следовавшие классицистическим образцам, создали, скорее, пересказ вергилиевского текста, по которому читатель узнает лишь фабулу, в остальном оставаясь в своей эпохе. В.А. Жуковский в этом смысле находится в промежуточном положении, но более близком к буквалистам: как переводчик Жуковский стремится к максимальной точности, которая требовалась в связи с новыми литературными веяниями, но для него она всё же не является конечной целью. Переводы же А.А. Фета и В.Я. Брюсова поражают своей точностью, которая часто доходит до крайностей: строго соблюдается не только следование смыслам оригинала, но и его фонетике, порядку слов и грамматическим формам, что естественно для буквалистской школы.

- Стихотворный размер, который, в свою очередь, задаётся принципами перевода, определяет возможности переводчика точно передавать смыслы оригинала. Александрийский стих не даёт возможностей для точного перевода гекзаметра, так как эти два

стихотворных размера имеют слишком разные структуры. Переводы, написанные в том же размере, что и оригинал, значительно выигрывают в точности.

- Язык, на который переводится оригинал, также задаёт определённые рамки в точном следовании оригиналу. Было выяснено, что английский язык имеет тенденцию к упрощению оригинала, в то время как русский может предельно точно передать смыслы латинского текста.

Что касается переводов, то некорректно было бы называть самый точный и самый далёкий от оригинала перевод. В каждой эпохе у перевода были свои цели и задачи, и каждый переводчик, чья работа здесь рассматривалась, прекрасно с ними справились. Несовершенства и, может быть, даже наивность некоторых переводов давали возможность другим переводчикам стремиться к улучшению своей работы, находить новые пути решения тех проблем, которые вставали на их пути. Читатели же в результате этого поиска имеют возможность не только насладиться мастерством каждого переводчика, но и взглянуть на великое произведение Вергилия — «Энеиду» с разных сторон.

Завершить работу хотелось бы словами профессора классического отделения Техасского университета Уильяма Незерката: «Virgil holds up a mirror to us, from which, as we move from decade to decade, a changing image shines».

Список литературы

Публий Вергилий Марон. Еней героическая поэма Публия Вергилия Марона/Переведена с латинского г.Петровым. СПб: тип. Акад. наук, 1781–1786.

Публий Вергилий Марон. Энеида. Пер. В. Брюсова и С. Соловьёва. Ред., вступит. статья и коммент. Н.Ф. Дератани. М.-Л., «Academia», 1933.

Публий Вергилий Марон. Энеида Вергилия. Пер. А. Фета. Со введ., объяснениями и проверкою текста Д.И. Нагуевского. 2-е изд. Ч. I СПб, Маркс, 1902.

Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского в двух томах, т.1: Сборник/Сост. А.А. Гугнин. М.: Радуга, 1985.